

А. Медведов
Секретарша

Алексей Мефодиев
Секретарша (сборник)

«Летний сад»

2009

ББК 84(2Рос=Рус)6

Мефодиев А.

Секретарша (сборник) / А. Мефодиев — «Летний сад», 2009

ISBN 978-98856-023-4

Неприятный человек неожиданно достал бейсбольную битку и изо всех своих недюжинных сил стал методично бить по впереди стоящему автомобилю. В разные стороны полетели стекла. Еще мгновение, и машина превратилась в грудку мягкого металла и стеклянной крошки. Человек с битой так же деловито сел в свой автомобиль. От физической нагрузки лицо его покраснелось. Ужас от происходящего заполнил юную душу Алёны. Там, в её душе, не было более места ни для чего, кроме страха. Алёна забыла кто она, на какой она едет машине и уж тем более, какие сигареты курит...

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-98856-023-4

© Мефодиев А., 2009

© Летний сад, 2009

Содержание

Секретарша	6
Яко пардус[1]	10
Безумие Петра Сергеевича	14
В ожидании зеленого сигнала светофора	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Мефодиев

Секретарша

© А. Мефодиев, 2009

© «ПринтДизайн», оригинал-макет, оформление, 2009

Секретарша

– Как пообедал? – спросил Кирилл Федорович Песков своего коллегу Никиту Петровича Никитина. Они были на «ты».

– Спасибо, бывало и лучше, – улыбаясь, ответил ему Никита Петрович, думая при этом: «Определенно, в нем есть что-то неприятное».

Они оба занимали должности вице-президентов большой корпорации. Их кабинеты примыкали друг к другу. У них была одна приемная и одна секретарша на двоих.

– Как сам? – в свою очередь поинтересовался Никита Петрович.

– Спасибо, хорошо, – приветливо отвечал ему Песков.

На том они и расстались. Никита Петрович вошел в свой большой кабинет и сел в массивное кожаное кресло.

Надо отметить, что Никита Петрович Никитин был большой любитель фотографий. Они у него были повсюду.

Прямо над изголовьем его кресла красовался портрет Президента страны. На противоположной стене разместились портрет Президента их корпорации. Остальные многочисленные фотографии, отображающие Никиту Петровича здоровающим, либо просто находящимся в компании с разными высокопоставленными людьми, были расставлены по всему периметру его кабинета таким образом, чтобы любой к нему вошедший без излишних пояснений наглядно мог себе представить и большую значимость хозяина кабинета, и всю степень его лояльности как властям фирмы, так и властям всей страны.

На массивном столе Никиты Петровича стояли фотографии жены и детей. Их он тоже иногда показывал посетителям, но лишь тем из них, с кем отношения переходили в доверительное русло. Демонстрация семейных фотографий позволяла любому пришедшему без излишних объяснений понять, что Никита Петрович не просто человек большого полета, но еще и примерный семьянин.

Особо пытливый посетитель при более детальном осмотре кабинета Никитина мог обнаружить ряд фотографий, находящихся за стеклом большого шкафа, содержащего, кроме них, сувениры, подаренные Никите Петровичу разными большими людьми. Фотографии эти являли собой завершающий мазок к портрету Никитина и создавали наглядное представление о способе проведения его досуга. На них он выступал в роли игрока, неудержимо несущегося к воротам противника на футбольном поле, а также в виде счастливого получателя победных кубков.

Иной читатель мог бы засомневаться, может ли такое количество примерных качеств, как то: лояльность, недюжинный карьерный рост, спортивные достижения и, наконец, любовь к семье и детям, – сочетаться в одном человеке. Мы же ответим, что да, бывает, встречаются такие люди.

И вот как раз такой человек, Никита Петрович Никитин, сидел и беспокойно ерзал в своем массивном кожаном кресле. Прошло уже минут тридцать, а он все никак не мог сосредоточиться на деловых вопросах. Несколько раз он перевернул инкрустированные драгоценными камнями песочные часы, чей-то подарок, стоящий у него на столе.

«Какая все-таки бессмысленная вещь, – подумал он. – И как только ими определяли время в прошлом? Без конца переворачивали, что ли? Но я-то нашел вам применение, – улыбнулся песочным часам Никита Петрович. – Пришел посетитель, а я, так это, между делом, раз, и перевернул часы. Посыпался песочек. И, само собой, понятно стало, время Ваше, дорогой посетитель, пошло на убыль. Поторопитесь. Нечего здесь засиживаться».

Никита Петрович тяготел к ясности в поступках и чувствах. А потому сейчас, ерзая в кресле, чувствовал беспокойство, вызванное неопределенностью причин своего раздраже-

ния Песковым. «Чем, действительно, он мог меня раздражать? Вроде бы нормальный человек. Такой же начальник, как и он сам. Тоже любит фотографии. Зайди к нему в кабинет, и сразу ясно, перед Вами значимая фигура, с которой считаются сильные мира сего. Примерный семьянин и спортсмен к тому же. Чем же он, спрашивается, может не нравиться? – логически мыслил Никитин. – Вот разве что...» – и Никита Петрович вспомнил недавний разговор во время их совместной трапезы в обеденное время. Как-то неприятно Песков говорил о секретарше. Как будто о лошади говорил, а не о человеке. Детально рассуждал о достоинствах ее груди, толковал о ее длинных загорелых ногах, о пышных волосах. «Уж не намеревается ли он вступить с ней в интимные отношения? А может быть, уже вступил?» – думал Никита Петрович и сам себе тут же отвечал: «А если и так, то мне что с того? Я к этому отношения не имею. Я на работе ни-ни. Ходит какая-то секретарша. Пусть даже и чья-то любовница. А мне, какое дело?»

«Э нет, милый друг, – сам себе отвечал Никита Петрович, – тут не все так просто! Все эти любовные шуры-муры могут оказать негативное влияние на работу! Да. Захочешь, например, соединиться с кем-нибудь по телефону, а секретарши-то и нет. Занимается не пойми чем в кабинете с другим начальником! И к порядку не призовешь. Если что, то работали с документами. Безобразие, одним словом».

Поразмышляв еще немного в таком ключе, Никита Петрович набрал номер секретарши. В трубке послышался голос Ирины:

– Как Вы пообедали, Никита Петрович?

«Иуда», – почему-то подумал Никитин и сказал:

– Ирина, соедините меня, пожалуйста, с Луниным.

– Одну минуточку, Никита Петрович, я Вам перезвоню, когда он будет на трубке.

В ожидании соединения Никитин переворачивал песочные часы и, не дождавшись обещанной связи, перезвонил секретарше.

– Ну и где Лунин, Ирина?

– Его нет на месте, – отвечала секретарша.

– Так перезвонили бы мне, я же сижу и жду. Говорил же Вам много раз.

– Никита Петрович, я еще не успела. Только повесила трубку. Говорила с его офис-менеджером.

– Каким еще офис-менеджером? С секретаршей, что ли?

– Можно, конечно, и так сказать, но должность называется офис-менеджер, Никита Петрович, – с достоинством отвечала Ирина, вкладывая в свою фразу скрытый упрек.

«Понабрали молодежи в секретарши, – думал Никита Сергеевич, – ведь много раз говорил, давайте будем брать в секретари опытных женщин среднего возраста, которые профессионально не нуждаются ни в каком обучении, знают свои обязанности, и название своей должности не вызывает у них внутренней неприязни! А эти молодые, им бы только попой вертеть! Только и думают, как бы какой-нибудь другой работой заняться. Время и нервы тратишь на их обучение, а потом они находят себе что-нибудь поинтереснее».

Раздался звонок телефона.

– Да, Ирина, – отвечал Никитин.

– Никита Петрович, Лунин на проводе, – сообщила секретарша.

«Как она игриво разговаривает, – подумал Никита Петрович, улыбаясь. – Есть, есть в молодости свое очарование, что ни говори!»

После разговора с Луниным раздался телефонный звонок.

– Да, Ирина, – отвечал Никитин.

– Никита Петрович, я хотела бы зайти. Вы не заняты?

– Я всегда занят, Ирина, – ответил он ей, – но для Вас у меня найдется время, – при этих словах Никита Петрович рассмеялся. – А по какому, кстати, вопросу?

– Почта, Никита Петрович, и документы для Вас есть.

– Ну что ж. Заходите.

Увидев входившую в его кабинет Ирину, Никита Петрович расплылся в улыбке и сказал почему-то на английском: «a feast for my eyes».

– Что это Вы сказали, Никита Петрович? Боюсь, я этого еще не проходила на курсах.

– Можно перевести как «наслаждение Вас лицезреть».

– О! – многозначительно произнесла секретарша и села напротив своего начальника, держа в руках кипу бумаг.

– Ну, давайте посмотрим, что у нас на сегодня.

Ирина передавала ему документы, в то время как он внимательно ее разглядывал. Ирина была блондинкой. Ее густые волосы свободно ниспадали на плечи. На Ирине был, казалось бы, деловой костюм, который, однако, искусно подчеркивал достоинства ее фигуры, заставляя воображение доработать то, что было скрыто от глаз. Юбка Ирины была выше колена, и Никита Петрович мог беспрепятственно видеть ее длинные ноги, одна из которых лежала на другой. Пока она не села перед ним, он успел заметить стильные туфли на высоких каблуках. Сейчас же он наблюдал, как ее нежные, ухоженные пальцы перебирают документы.

– Это я подписывать не буду, – строго сказал Никита Петрович, передал Ирине два документа, – пусть зайдут сами, я объясню, почему.

– Конечно, Никита Петрович.

– Это я подпишу, – и он подписал два документа.

Ирина почтительно внимала каждому его слову.

– Это оставим до завтрашнего дня, – Никита Петрович протянул Ирине какой-то из документов, – пожалуйста, не забудьте мне напомнить об этом.

– Конечно, Никита Петрович.

– А это я сейчас почитаю, – И он уткнулся носом в документ. Через несколько минут, закончив читать страницу, Никита Петрович поймал себя на мысли, что не помнит ничего из прочитанного. Он посмотрел на секретаршу. Она, ожидая его решения, отрешенно смотрела в окно. Голова ее была приподнята. В голубых беспечных глазах отражалось небо. Взгляд Никиты Петровича скользнул немного ниже и упал на грациозную шею секретарши, а потом на ее молодую спелую грудь, которая была слегка прикрыта низким вырезом ее делового костюма. Он достал платок и вытер со лба непонятно откуда взявшуюся испарину.

Раздался звонок мобильного телефона Ирины, и она сняла трубку.

– Да, да, Кирилл. Сейчас бегу!

«Почему, интересно знать, она называет Пескова по имени и на «ты»? – подумал Никита Петрович. – Что это за нравы такие? Или, может быть, в другом дело?»

– Никита Петрович, сказала Ирина своим волшебным голосом, – может быть, Вы почтаете, а я к Вам потом зайду?

– Нет уж, подождите. Вы же знаете, я не люблю этого, – нахмурился Никитин.

– Ой, ну конечно, конечно, – ответила Ирина и опять уставилась в окно.

В ее голосе Никита Петрович, как ему показалось, уловил оттенок раздражения.

«Какое нетерпение», – думал Никитин, пытаясь сфокусировать свое внимание на документе, смысл которого ему никак не давался. По прошествии нескольких минут мобильный телефон Ирины зазвонил снова.

– Да, да, Кирилл. Сейчас бегу!

«Да что это Пескову так не терпится? Что это за дело такое срочное у него?» – краснея, думал Никитин. Однако спросить напрямую было бы нелепо. И он молча продолжал читать документ.

– Может быть, я все-таки пойду, Никита Сергеевич? – сказала секретарша, вставая с кресла. Он пытался вникнуть в суть документа уже в течение длительного времени, и ее при-

существование было, очевидно, ни к чему. Но Никита Петрович, побагровев сильнее прежнего, зло уставился на свою секретаршу и почти крикнул ей:

– А я говорю Вам, оставайтесь!

– Да что это с Вами, Никита Петрович? – удивленно подняла свои красивые брови Ирина, – я только схожу к Кириллу Федоровичу и вернусь. А Вы пока документ читаете.

– Не Вам судить, что и как мне делать! – закричал Никитин, вставая из-за стола.

– Конечно, конечно, Никита Петрович, Вы только не волнуйтесь так.

В этот момент мобильный телефон Ирины опять зазвонил.

– Да, Кирилл. Я у Никиты Петровича. Сейчас уже иду, – проговорила секретарша в трубку.

– Никуда ты не пойдешь! – перейдя на «ты», закричал Никитин.

Почувствовав недоброе, секретарша проворно ретировалась к двери. Никита Петрович, видя безвыходность своего положения, – он определенно не успевал добежать до двери, чтобы не дать ей покинуть свой кабинет, – вдруг встал на колени и неожиданно для себя, почти плача, жалобно забормотал:

– Прошу тебя, Ирина, не ходи к нему. Остайся! Молю тебя! Что тебе он? Зачем это надо? Ну, скажи? Остайся! Ирина! Ирина!

– И с этим та же история, – презрительно глядя на своего некогда грозного начальника, сказала Ирина и, надменно подняв голову, вышла из кабинета.

Июль 2006

Яко пардус¹

Снежный Барс беспечно резвился под полуденным солнцем. Его окружали бескрайние просторы горного Алтая. Вдоволь наигравшись, он продолжил свой путь. Барс легко передвигался неспешной рысью: мягкие пушистые лапы утопали в глубоком снегу, дымчато-серый мех надежно защищал его от мороза.

Николай открыл глаза. Первое, что он почувствовал, была головная боль. Затем пришло ощущение слабости. Он встал с кровати и побрел на кухню. Налил себе стакан воды. Нетвердой рукой поднес его ко рту и жадно опустошил. Потом второй и третий. Вода не принесла облегчения.

– Тебе не надо столько пить, – раздался откуда-то сбоку голос жены.

Вместо ответа Николай пробормотал что-то невнятное.

– Посмотрел бы на себя в зеркало. На кого ты похож! – не унималась жена.

«Для этого не обязательно смотреть в зеркало», – подумал Николай и молча отправился назад в постель. Стоять ему было трудно, ощущалась слабость в ногах. Не успел он устроиться под одеялом, как в комнату вошла жена и протянула ему небольшое зеркало в красивой серебряной оправе. Николаю всегда нравилось собственное отражение. Но только не сейчас.

– На, посмотри на себя, – настаивала жена. – До чего ты себя доводишь! – и сунула ему зеркало под нос.

– Боже мой, никакого покоя! – простонал Николай, глядя на свое оставляющее желать лучшего отражение.

– Ты же знаешь, тебе нельзя пить! – продолжала неугомонная жена.

– Это почему, интересно знать, мне нельзя пить? – вслух задался вопросом Николай.

– Да потому. Смотри, на кого ты стал похож, – жена опять сунула ему зеркало под нос.

Ничего нового. Все это Николай выслушивал долгие годы.

– Наташа, я пью уже двадцать лет и не собираюсь менять своих привычек, – проворчал Николай и, понимая, что ему не дадут покоя, встал с постели и начал натягивать спортивный костюм.

– Надеюсь, ты не собираешься совершить пробежку в таком состоянии? – поинтересовалась Наташа.

– Именно это я и собираюсь сделать, – ответил Николай, зашнуровывая кроссовки, и слегка ухмыльнулся.

– Ты, надеюсь, понимаешь, как это вредно для здоровья? – продолжала вопрошать жена.

– Уверю тебя, тут нет ничего вредного, одна только польза, – с этими словами Николай закрыл за собой дверь.

Морозный январский воздух средней полосы ударил ему в лицо. Была легкая метель.

«То, что надо», – подумал Николай.

Бежать поначалу было трудно, но через какое-то время тренированный организм адаптировался к нагрузке, и ему стало легко и свободно. Николай свысока смотрел на прохожих, прячущих посиневшие от холода носы в длинные воротники. Он представлял себя снежным барсом, снившимся ему ночью. Сейчас он был един с окружающей его стихией.

Снежный Барс остановился. Он поднял голову. Ноздри его раздувались. Он был весь внимание. Слабый ветер донес до него хорошо знакомый запах. Это был запах пищи. И, стало быть, запах жизни. Большая кошка учуяла барана. Барс поменял направление движения.

---

¹ Словно барс (устар.)

Начиная с этого момента все его действия были подчинены только одному. Охоте. Охоте не для забавы. Ему было необходимо найти себе пищу для того, чтобы в очередной раз выжить в этой снежной пустыне.

Николай открыл глаза. Он проспал несколько минут, положив ноги на свой рабочий стол. После обеда его всегда клонило ко сну. Зазвонил телефон. Он снял трубку.

– Ааа! Сколько лет, сколько зим!

...

– Все хорошо. Как у тебя?

...

– Да, работаю.

...

– Ну, видишь ли, надо же на что-то покупать сыр, колбасу.

...

– Да, да. И бензин. И новую машину, и дом тоже. Образование детям, и все, знаешь, такое.

...

– В субботу? Пожалуй. С удовольствием навестим вас. Но на всякий случай я спрошу у Наташи, нет ли у нее каких планов. Перезвоню.

...

– Пока.

Николай, ощутив прилив скуки, зевнул и положил трубку.

Наконец Барс увидел барана. Он был метрах в трехстах от него. Они были одни во всей снежной пустыне. Он и баран. Предыдущая охота большой кошки была неудачной. Еще одна неудачная охота, и голод станет нестерпимым. За голодом придет слабость, за слабостью идет смерть. Продолжение жизни Барса было перед ним. Барс пополз по направлению к барану на брюхе.

– Николай Петрович, какое решение мы примем? – задал вопрос один из членов рабочей группы.

Николай вздрогнул. Он не был готов к вопросу. Ему показалось, что минуту назад он спал.

«Возможно ли это?» – думал он сейчас. Николай посмотрел на своих коллег, сидящих за столом. У них был обычный деловитый вид.

«Если бы я спал, – заключил Николай, – у них не были бы такие будничные выражения лиц».

– Так какое решение мы примем? – повторно заданный вопрос окончательно вернул Николая к действительности. Но действительность была такова, что решение, несмотря на всю его очевидность и срочность, нужно было предварительно согласовать с высшими инстанциями. Николай поморщился.

«Какого же черта! Немедленно избавляться от этих активов!» – думал он.

– Я думаю, мы хорошо проработали этот вопрос, оставьте мне все документы, я должен подумать, – услышал Николай собственный голос.

Николай ужинал в ресторане со своим другом. Друга звали Андрей. Вместе с Андреем в поисках приключений они объездили полмира. Они спускались на лыжах в Белой долине Монблана; едва не отправились на тот свет, попав в бочку во время сплава по коварной Алтайской реке Катунь; созерцали суровые лица истуканов на острове Пасхи; прожили полгода в аскетических стенах непальского монастыря «Капай».

– Так ты пойдешь со мной на Килиманджаро? – спрашивал друг.

– Андрей, говорят, там мухи цеце могут покусать.

– А в Москве тебе на голову кирпич может упасть.

– Ну, это маловероятно.

– Послушай, мы же давно собирались пойти, ты просто стареешь, – не унимался приятель Николая.

– Да, но я недавно беседовал с одним человеком, который только что вернулся из Африки, – рассуждал Николай. – Вот что он мне рассказал. Идут они где-то в Кении. Вдруг видят: весит черный флаг. Предлагают провожатому их африканцу подойти и посмотреть, почему флаг вывесили. Он же им отвечает, что флаг вывешивают, когда замечают муху цеце, именно для того, чтобы это место обходили стороной. К твоему сведению, укусы мухи цеце вызывает сонную болезнь. Паразиты проникают в кровь, потом в ткани, потом в спинной и головной мозг. Лечение малоэффективно. Кроме того, от самого лечения можно легко отправиться в мир иной. Еще подумаешь, лечиться или нет.

– Ну и что? Я тебе другую историю расскажу. Помнишь, в прошлом году в Африке я сплавливался по горной реке с моим другом Эндрю Скелтоном? – спросил друг Николая.

– Допустим.

– Так вот. Перед тем как разместиться на надувном плоту, я заметил на противоположном берегу стремнины двух небольших крокодилов и указал на них Скелтону. Что, ты думаешь, он ответил на мой немой вопрос?

– Что же?

– «Are you going to die in bed?»² – таков был его ответ.

«Пора бы на что-то решиться», – подумал Николай.

Барс почти подполз к барану на необходимое для решающего прыжка расстояние. Но тут ветер переменился, и баран учуял запах барса. Он тревожно обернулся и, заметив хищника, бросился наутек. Началась изнурительная погоня. В конце концов барс взял верх и продолжил свою жизнь за счет чужой. Теперь он был сыт и мог отдохнуть. Одна жизнь закончилась, чтобы другая могла продолжаться.

Николай открыл глаза. В окно иллюминатора он увидел удаляющуюся белую шапку Килиманджаро. Виски приятно грело желудок и разрушало привычные стереотипы мысли.

– Андрей, ты знаешь, хорошо быть снежным барсом, не знающим никакого выбора. Инстинкт ведет его.

– Тебе, Коля, надо было лететь на Алтай, а не на Килиманджаро. Там бы ты встретил своего барса. Может быть, перестал бы твердить про него каждый раз, когда выпьешь.

– Это, в сущности, не имеет никакого значения.

– Что не имеет значение, Коля?

– Куда лететь.

Солнце било в глаза. Николай совершал очередную утреннюю пробежку. Морозный воздух покалывал разгоряченное тело. Белый снег искрился бесчисленными огоньками под лучами полуденного солнца. Казалось, весь мир вливался в Николая свободным потоком. До самого последнего мига на устах его играла легкая улыбка.

Барс был снова голоден. Он грациозно продвигался вперед большими прыжками, большие сильные лапы не знали усталости. Зоркий взгляд искал добычу. Раздался выстрел, которого барс

---

² Ты собираешься умереть в постели? (англ.).

не слышал. Что-то укололо его в самое сердце. Могучие лапы обмякли. Пушистый хвост последний раз ударил о снег. Глаза закрылись.

Последним, что пришло в голову Николаю, были слова: «Seems like I am not going to die in bed»³.

Болезненный мальчик Коля снова сидел за партой в школе. Мама закутала его, чтобы он опять, не дай бог, не простудился, и сама отвела в школу. Одежда невыносимо стесняла его. Он смотрел в окно, а до его ушей доносился голос учителя, цитирующего русского летописца:

– «Князь Святослав ходя яко пардус, возъ по себе не вожаше, ни котла, ни мяса варя, но по тонкоу изрезавъ конину на оугляхъ испек, ядяше... ни шатра имевше, в головахъ седло... глаголя: «Хощю на вы ити!» Для тех, кто не понял, – продолжал учитель, – поясняю: князь Святослав ходил как барс, отправляясь в боевые походы, в которых провел почти всю жизнь. Спал он вместе со своей дружиной под открытым небом, положив под голову седло, ел вместе со своей дружиной конину. А перед походом открыто предупреждал противника: «Иду на Вы!»

– Наташа, ты должна была запретить ему эти ненормальные физические нагрузки, – говорила подруга его жены по телефону.

– Это было невозможно. Последнее время он стал совершенно неуправляемым.

Ноябрь 2005

---

³ Похоже, я умру не в постели (англ.).

Безумие Петра Сергеевича

*«Главного глазами не увидишь. Зорко одно лишь сердце»
Антуан де Сент-Экзюпери*

- Ты просто безумен! Тебе надо срочно к врачу!
- Тебе самой надо к врачу, – спокойно отвечал муж своей молодой жене Анне.
- Почему это мне? Ведь это тебе все мерещится в последнее время.

Действительно последнее время в жизни Петра Сергеевича, так звали человека средних лет, которому, по словам его жены, необходимо было безотлагательно обратиться к врачу, происходили странные вещи. Признаться, Петр и сам ощущал себя не вполне здоровым. Но обращаться к врачу было бы, по его мнению, все же чрезмерностью. А все началось менее года назад.

Тогда Петр Сергеевич ужинал в ресторане с малознакомой ему Анной, которую встретил совсем недавно на вечеринке у приятелей и в которую был влюблен до умопомрачения, столь она была прекрасна. Когда он говорил Анне заветные слова «...Я хотел бы сделать тебе предложение», сердце его билось бешеным ритмом и успокоилось лишь тогда, когда девушка ответила согласием.

«Слава богу», – подумал Петр Сергеевич и вытер испарину тыльной стороной ладони. Анна улыбнулась и, сказав: «Я сейчас, дорогой», – вышла из-за стола.

«Куда это она пошла? Такой важный момент, а она сразу же ушла», – с тоскливой тревогой подумал Петр Сергеевич, который, несмотря на свое страстное чувство, или же, напротив, благодаря ему, уже не доверял Анне. Если она была рядом, он верил ей самозабвенно. Но стоило Анне ненадолго покинуть его, как Петра Сергеевича начинали терзать сомнения. А потому, подождав немного, он, несмотря на свое довольно плотное телосложение, проворно встал и пошел по направлению к выходу, где находились туалетные комнаты.

- Вы уходите? – подскочил к нему с несвоевременным вопросом суетливый официант.
- Нет, нет, я сейчас, руки помыть, – отвечал ему Петр Сергеевич.

Стараясь быть незаметным, он вышел в гардеробную и с удивлением увидел Анну, с кем-то беседующую по телефону.

«Так я и знал! – подумал Петр Сергеевич. – Зорко одно лишь сердце!»

Анна подняла глаза. Петр Сергеевич улыбнулся ей и, сделав вид, что истинным его намерением было посещение туалетной комнаты, туда с поспешностью и проследовал. Когда он вернулся за столик, Анна, ласково глядя на него, сказала:

– Я так ждала этого!

«Чего она ждала, интересно? Того, что только что услышала по телефону? Ладно, не будь ревнивым ослом, она ждала твоего предложения», – думал Петр Сергеевич.

Свадьба состоялась через месяц.

Как-то раз, по прошествии не более чем трех месяцев, на приеме в Английском посольстве, куда Петр Сергеевич был приглашен вместе с женой, он, перемещаясь с бокалом в руке по анфиладе небольших комнат старого особняка с видом на Кремль, вдруг услышал разговор двух мужчин, оказавшихся рядом:

– Ты только посмотри, как она прекрасна! – говорил один из них. – За несколько лет она стала настоящей женщиной! Как если бы еще несформировавшийся, неспелый бутон вдруг распустился в прекрасную розу, лепестки которой во всем своем совершенстве тянутся к ласкающим их лучам солнца.

– Да, верно. Но тут не только в этом дело. Чувствуется, знаешь ли, порода! Посмотри, какие волосы! И что за линия бедра! – вторил ему другой.

Петр Сергеевич с интересом проследил за направлением взглядов двух мужчин, и лоб его вмиг покрылся тяжелой испариной – они смотрели на трех беседующих женщин, одна из которых была Анна, его Анна! Они говорят о ней! И, судя по всему, они с ней знакомы, эти два хлыща, черт подери!

– Господин Иванов, – услышал он свою фамилию. Перед ним стоял мистер Джонсон, с которым, к великому сожалению, надо было поговорить. Сквозь звуки собственной беседы Петр Сергеевич пытался прислушаться к разговору двух мужчин. Ему послышалось, что один из них сказал:

– Как же, я видел ее недавно...

Потом они отделились от него, и больше Петр Сергеевич их не видел.

Сидя на заднем сиденье в машине, по дороге домой Петр Сергеевич спросил у жены, пытаясь придать вопросу тон непринужденности:

– С кем это ты беседовала?

– Я встретила Ингу, представляешь? Она меня познакомила со своей знакомой миссис Маннинг. Мы прелестно поболтали.

– Я имею в виду мужчину, с которым ты беседовала, – продолжал Петр Сергеевич.

– Какого мужчину? Где беседовала?

– Перед большой лестницей наверх, с высоким блондином, – и Петр Сергеевич описал внешность одного из мужчин, тут же мысленно отругав себя за то, что указал предполагаемое место беседы. Он ведь не видел, как его жена с кем-то беседует, а спрашивал просто так, на удачу. «Да, но зачем она спросила где? – думал Петр Сергеевич. – Видимо, она действительно с кем-то беседовала, но почему-то не хочет, чтобы я знал об этом. Теперь она знает, что я не видел ее, и не скажет правды».

– Не знаю Петя, тебе, видно, померещилось, – спокойно отвечала Анна.

– Наверное, так и есть, – мрачно согласился Петр, но сомнения его не были развеяны.

Дома Петр Сергеевич направился напрямик в спальню и почти сразу же заснул. Ночью его разбудил телефонный звонок.

«Кто это, черт возьми, может быть?» – недовольно думал Петр, идя длинным коридором к телефону. Телефон не унимался. Когда он, наконец, снял трубку, неприятный мужской голос, как ему показалось с удивлением, как если бы услышал голос не того, кого предполагал, спросил Катерину Ивановну.

– Вы ошиблись, – раздраженно сказал Петр и положил трубку.

Весь следующий день он чувствовал себя совершенно разбитым.

На следующую ночь телефон опять разбудил Петра Сергеевича, но в трубке была тишина.

– Надо бы поставить определитель номера, Аня, – предложил Петр Сергеевич за завтраком.

– Зачем? – легкомысленно парировала Анна.

– Звонят ночью и будят.

– Кто звонит?

– Ты что, не слышала звонков?

– Нет.

– Каждую ночь кто-то звонит. То спрашивали какую-то Катерину или как ее там, то просто молчат.

– Тебе это не приснилось, милый, я ведь чутко сплю, – странным образом ответила Анна.

На следующую ночь Петр Сергеевич долго не мог заснуть, и вдруг ему отчетливо послышался телефонный звонок, а потом – как его жена с кем-то разговаривает. Но что было особенно странно, что он слышал так же и звуки мужского голоса. Но как только он открыл дверь спальни, голоса прекратились. Петр, тем не менее, дошел до кухни и увидел там Анну. Кухня была наиболее удаленной комнатой от их спальни. Анна могла с полной уверенностью пред-

полагать, что из спальни ее разговор слышен не будет. Но Петр Сергеевич всегда отличался острым слухом. Рядом с Анной лежала трубка телефона. Сама она ничем не была занята. Ни книги рядом, ничего.

– Что ты делаешь? Кто это звонил? поинтересовался Петр.

– Подруга моя, Настя.

– Почему она звонит в час ночи?

– У нее неприятности, мама заболела.

– Ну и что? А ты что можешь сделать, тем более в час ночи?

– Какой ты толстокожий Петя! У человека мама заболела. Нет, видимо, мужчины просто по-другому устроены!

– Странно только, что когда я подхожу к телефону ночью, то вешают трубку. Купи, пожалуйста, телефон с определителем номера.

– Хорошо, куплю. Только не понимаю, зачем это нужно, ты какой-то стал в последнее время раздражительный! – с упреком сказала Анна.

– Спокойной ночи, – недовольно сказал Петр и отправился спать.

Ночные звонки не прекратились, но стали реже. Когда подходил Петр, в трубке было молчание. Иногда по утрам Петр интересовался, не купила ли Анна телефон с определителем. Оказывалось, что ей все недосуг. А однажды, проснувшись под утро, Петр не обнаружил рядом жены, зато явственно различил отдаленные голоса. Один принадлежал Анне, другой был мужской.

– Не здесь, ты что? – говорил женский голос.

– Брось, ты же тоже хочешь, – бубнил мужской.

Петр вскочил с кровати. Как только он открыл дверь спальни, голоса прекратились, но он все равно побежал по длинному коридору, заглядывая в разные комнаты. Огромная квартира была пуста. Потом он заметил свет в ванной.

– Анна! Что ты там делаешь? – Петр постучал в дверь.

– Мне плохо, – отвечала жена каким-то странным голосом.

– Открой мне!

– Нет.

– Открой немедленно!

Дверь открылась. На него смотрела Анна. Она была бледна. В ванной, кроме нее, никого не было.

– Видишь, мне плохо. Я, видимо, отравилась за ужином, – У Анны действительно был несчастный вид.

– С кем ты тут разговаривала? – все еще строго спросил Петр.

– Петя, что с тобой? Тебе лечиться надо. С кем я могла разговаривать?

«Действительно, – подумал Петр, – даже трубки телефона нигде нет».

– Но я отчетливо слышал голоса, – уже мягче сказал Петр, ему стало жаль измученную тошнотой жену, – вот и пришел.

– Ну что ты, какие голоса? То телефонные звонки, то голоса. Давай сходим к доктору, прошу тебя.

Сознание Петра определенно переживало не самые лучшие свои мгновения. Петр был сконфужен и не знал, что подумать.

«Бред какой-то! – думал Петр. – Допустим, голоса мне слышались, хотя я отчетливо их слышал! Но телефонные звонки! Я же подходил к телефону не во сне. А Анна говорит, что ничего не слышала. А может быть, мне действительно все приснилось? Ведь вот же она, моя Анна. Никого в квартире больше нет, я все обыскал. Входная дверь закрыта изнутри». И он, сконфуженный, отправился спать.

На следующий день неприятные мысли вновь посетили его.

«Не может быть, чтобы мне все приснилось. К тому же Анны действительно не было рядом. Надо все-таки в этом как-то разобраться», – думал Петр.

Как-то раз они пришли в модный ресторан с друзьями – Андреем и его женой.

– У вас заказано? – деловито осведомился официант.

– Нет.

– Тогда мы вам можем предложить только у стойки бара. Свободных мест нет. У нас только по предварительному заказу.

– Черт подери! – проговорил Андрей. Что будем делать?

– Ну, это уж слишком! – сказала жена Андрея, впрочем, не предложив никакого альтернативного решения.

– Если идти куда-нибудь еще, то можно просто потерять время, – сказала рассудительная Анна, – там тоже может оказаться «все занято». И что тогда?

– Сколько нам ждать у стойки бара, пока освободится столик? – осведомился Петр у начинающего терять терпение официанта.

– Не знаю, – ответил официант.

– Ну, это уж слишком, – снова сказала жена Андрея.

– А за стойкой бара мы можем заказать что-нибудь поесть? – спросил Петр.

– Все то же, что и за столиком.

– Я бы предложил остаться, – предложил Петр.

– Ладно, я не против, – согласился Андрей, – а то ходить в субботний вечер туда-сюда... Только время потеряем.

– Мы не возражаем, – согласились жены.

Барная стойка оказалась достаточно широкой, а меню интересным.

– Я закажу молочного поросенка с хреном! – сказала Анна. – Вы рекомендуете? – обратилась она к бармену.

– Да, поросенок великолепный. Очень вам рекомендую.

За разговором ни о чем было выпито изрядное количество спиртного на аперитив. В какой-то момент Анна встала и куда-то отошла.

«Куда это она пошла?» – думал Петр.

Во время ее отсутствия произошла странная вещь. Принесли заказанные блюда и среди них молочного поросенка Анны. Было видно, какой это прекрасный поросенок и как он великолепно приготовлен. Вдруг какой-то человек подошел к стойке бара и посмотрел жадным взглядом на поросенка, а потом, вооружившись приборами, к удивлению Петра, начал его жадно поглощать.

– Послушайте, почему Вы едите чужого поросенка? – спросил Петр.

– В каком смысле чужого? – не поворачивая головы, отвечал вопросом на вопрос наглец, продолжая при этом самым возмутительным образом пожирать чужое блюдо.

– Это же не Ваше!

– Не мое? – с удивлением снова отвечал вопросом на вопрос наглец.

– Не Ваше, – краснея от ярости, проговорил Петр.

– А чье же? – продолжал задавать вопросы наглец.

– Это блюдо моей жены!

– А-а-а! Значит и не Ваше тоже! Так причем тут Вы тогда? Может быть, Вашей жене понравится то, что я делаю. Может быть, это именно то, что она хочет? – продолжал вопрошать наглец, втягивая Петра в какую-то нелепую дискуссию, и при этом продолжая с удивительной скоростью работать челюстями.

«Да что же это такое?» – Петр в растерянности оглянулся на своих приятелей, которые о чем-то разговаривали друг с другом и, сидя в ряд за стойкой бара, не могли видеть происходя-

щего безобразия. «Он сказал, моей жене может понравиться то, что он делает, – думал Петр, – на что он намекает, чёрт его подери?»

Когда Петр повернул голову, чтобы посмотреть на наглеца, того уже и след простыл. Подошла его жена и, как ни в чем не бывало, начала есть.

– Что ты делаешь? – спросил ее Петр. – Как ты можешь есть блюдо, которое уже кто-то ел до тебя?

– О чем ты? Кто ел? Какое блюдо? – спросила Анна, и в ее глазах появился столь ненавистный ему оттенок беспокойства за его рассудок.

– Твое блюдо! Только что какой-то тип его ел!

Анна продолжала есть, и теперь уже невозможно было выяснить, сколько съела она и сколько тот тип. Стало быть, доказать, что кто-то ел поросенка до нее, уже было невозможно. И потому Петр благородно предпочел не развивать далее данную тему.

«Но она не могла не заметить этого! – думал он. – Наверное, этот тип и есть ее любовник! Меня просто провоцируют!»

Петр осмотрелся по сторонам, но типа нигде не было видно.

Вскоре принесли счет, по обыкновению снабженный пластинками жевательной резинки «Спеарминт».

– Не могу жевать жвачку, – сказала жена Андрея, – у меня возникает такое чувство, как будто весь рот чем-то заполнен, и я ничего с этим не могу поделать.

«Странно, у меня тоже такое чувство, как если бы вся моя жизнь была заполнена чем-то липким и что мне очень тесно», – подумал Петр. Ему почему-то пришла на память картина Магритта с изображением яблока, помещенного в комнату, и он сказал:

– Кстати, знаете картину Магритта? Сейчас не припоминаю ее названия, но там изображено яблоко, помещенное в комнату, таким образом, что оно эту комнату полностью заполняет. Края яблока даже соприкасаются со стенами. Яблоко непомерно большое для этой комнаты. Либо, напротив, комната чрезмерно мала для яблока. Яблоку тесно в комнате. Создается ощущение невероятной тесноты.

– Да, да, как же, припоминаю, – сказал Андрей с интересом.

– Ты просто устал, – сказала Анна, с заботой глядя на Петра. – Нам пора.

– Пожалуй, – неожиданно для себя самого согласился Петр, и они откланялись. Но перед пожатием рук Петр отозвал Андрея в сторону и с надеждой в голосе спросил:

– Послушай, а ты заметил того типа, который пожирал молочного поросенка?

– Какого еще типа? – буднично спросил Андрей.

– Ну, тот, что пожирал поросенка Анны.

– Что ты имеешь в виду? – не понял Андрей.

– Помнишь, сразу после того как принесли блюда, Анна отошла в туалет, и какой-то тип уселся на ее место и начинал пожирать ее поросенка?

– Ты что, бредишь? И что же ты сделал?

– Я ничего не успел сделать. Он нес какой-то бред. Потом я посмотрел в вашу сторону, а когда повернул голову назад, его и след простыл!

– По-моему, у тебя жар, старина. Мы все сегодня изрядно выпили, но ты, похоже, в особенности. Ну давай, не расстраивайся, – и Андрей пожал ему руку, похлопав по плечу.

«Видно, дела мои совсем дрянь», думал Петр по дороге домой. Тогда он решил раз и навсегда закрыть тему ревности к жене. И твердо сказал себе об этом.

Сказать, как известно, проще, чем сделать. Тем не менее с тех пор Петр не реагировал на голоса и вздохи, порой будившие его по ночам.

Но однажды, в очередной раз проснувшись под утро от звуков голосов, он все же решил еще раз проверить, так ли уж он безумен. Жены, как обычно, не было рядом.

Петр Сергеевич помнил, что обычно голоса, вздохи и звуки любовной возни прекращались, стоило ему резко распахнуть дверь спальни. В этот раз он был предусмотрительней. Петр Сергеевич бесшумно встал с кровати и потихоньку открыл дверь спальни. Он шел на звуки по длинному коридору крадучись, как если бы не он, а кто-то другой являлся хозяином квартиры. Наконец, достигнув кухни, Петр Сергеевич потихоньку открыл дверь.

В предутренних сумерках какой-то мужчина, стоя перед полуобнаженной Анной, что-то возбужденно бормотал ей на ухо.

Май 2006

В ожидании зеленого сигнала светофора

Ожидая зеленый сигнал светофора, Алена посмотрела в зеркало заднего вида и подвела губы изумительной помадой цвета спелой вишни.

«Я – вамп», – глядя на себя в зеркало, думала Алена.

Она водила машину второй год. И ей это очень нравилось.

Ее голова покачивалась в такт какой-то популярной мелодии. Было свежее июньское утро. На небе ни облачка. Казалось, все люди вокруг: пешеходы, спешащие на зеленый сигнал, люди, сидящие в рядом стоящих автомобилях, улыбались Алене. Она улыбалась им в ответ. Алена с удовольствием закурила тонкую сигарету. Она явственно ощущала, как это стильно: в начале задумчиво достать из портсигара сигарету, потом без излишней суеты ее прикурить такой же красивой и утонченной зажигалкой, как и сама сигарета. Алена знала: на нее смотрят с восхищением. И было от чего. Безупречный маникюр. До блеска надраенная спортивная БМВ красного цвета. Сама красавица. Да... Алена элегантно затянулась.

Ее рассеянный взгляд случайно остановился на каком-то человеке. Даже мельком не взглянув на Алену, он деловито вышел из своей машины и направился к машине впереди стоящей. Человек не понравился Алене. Люди, которые не обращали на нее внимания, никогда ей не нравились. Алена уже хотела также элегантно выпустить сигаретный дым, но от увиденного у нее перехватило дыхание.

Неприятный человек неожиданно достал бейсбольную биту и изо всех своих недюжинных сил стал методично бить по впереди стоящему автомобилю. В разные стороны полетели стекла. Еще мгновение, и машина превратилась в груды мятого металла и стеклянной крошки. Человек с битой так же деловито сел в свой автомобиль. От физической нагрузки лицо его покраснелось.

Ужас от происходящего заполнил юную душу Алены. Там, в ее душе, не было более места ни для чего, кроме страха. Алена забыла кто она, на какой она едет машине и уж тем более, какие сигареты курит.

Зажегся зеленый сигнал светофора. Все машины тронулись. Лишь машина, подвергшаяся атаке вандала, осталась стоять на месте. Ее владелец, видимо, находясь в шоке от произошедшего, неподвижно сидел за рулем своего некогда прекрасного авто.

Олег Петров, так звали вандала, как и другие, поехал по своим вполне будничным делам. Он, однако, также оставался в состоянии возбуждения.

– Будет знать, как подрезать людей на дороге! Уж я-то научил его вежливости, будьте уверены! Запомнит на всю жизнь, сосунок! – до упора вдавливая педаль газа, разговаривал с кем-то невидимым Олег Петров.

Надо заметить, что это был уже не первый случай, когда Олег Петров учил других хорошим манерам. Подобное не раз доводилось ему совершать и в прошлом. В этом своем стремлении сделать других вежливее Олег Петров не ограничивался автомобилистами. Нет, он шел дальше. Где бы он ни оказывался: на пляже, в подъезде и в прочих слабо регулируемых общественным порядком местах, он всегда находил того, кому было просто необходимо преподать урок вежливости.

Страсть Петрова к преподаванию науки о вежливости была подкреплена необходимыми для этих случаев природными данными. Рост под два метра, могучий торс. Руки и ноги его по крепости и ширине были сродни корабельным мачтам. При этом он не растрачивал данное ему от природы, но всячески приумножал. Регулярные походы в тренажерный зал и занятия боксом давали свои результаты. Его мышцы становились еще крепче, а реакция, к несчастью для обучаемых, еще более быстрой. Впрочем, чаще всего один его вид действовал достаточно убедительно на нарушителей общественного порядка. Вот только Олегу Петрову почему-то каза-

лось, что праведные слова его должны непременно ложиться на благодатную, им же предварительно хорошо подготовленную почву. Под подготовкой почвы Петров, естественно, понимал меры физического воздействия, без которых справедливость его слов не может быть воспринята в полной мере. Так было и сегодня.

«Скажи ему просто: не надо так ездить, уважаемый! – и никакого толка не будет», – думал Петров, еще крепче вжимая в пол педаль газа.

– А вот теперь, когда машина автомобильного грубияна разбита, ему преподан настоящий урок. Будет знать, как хамить на дорогах! – вслух произнес Петров, агрессивно маневрируя в плотном потоке автомобилей.

Его мысли прервал звонок телефона.

– Да....

...

– Да, Ирина...

...

– Нет, все в порядке...

...

– Голос?..

...

– Нормальный голос...

...

– Ну, пришлось тут преподать одному урок вежливости...

...

– Сразу стал тише воды, ниже травы...

...

– Почему не надо?..

...

– А как, ты думаешь, надо?..

...

– Ну, знаешь, тебя не поймешь...

...

– Не надо за меня волноваться, сколько раз тебе говорил...

...

– Ну, хорошо, в последний раз...

...

– Да, обещаю...

...

– Ксюшу заберу из сада...

...

– До вечера...

...

– И я тебя целую.

Ирина, тихая женщина, приходилась женой Олегу. Ксюша, девочка пяти лет, была их дочерью, которую Олег очень любил. Любой ее каприз, который был ему под силу, немедленно исполнялся.

Олег работал инкассатором.

«Мужская работа, – думал он иногда. – Всегда начеку, всегда готовый к отпору внезапного нападения. Вот это по мне! В жизни нужно уметь постоять за себя!»

Целый день Олег напряженно работал. Но вот уже вечер. И в раскаленный летним солнцем город пришла вечерняя прохлада. Олег Петров, как и обещал жене, отправился забирать дочь из сада.

– Папа, я соскучилась! Какой подарок ты мне принес сегодня?

Слезы умиления выступили на глазах сурового Петрова. Одной рукой он достал мягкую игрушку, другой как перышко подхватил подбежавшую девочку.

Через каких-то сорок минут они были дома. Ирина возилась у плиты. Олег смотрел футбол и пил свою вечернюю кружку пива. Ксюша смотрела «Спокойной ночи, малыши».

В эти часы он ощущал себя абсолютно счастливым. Впереди были суббота и воскресенье. Они собирались провести их на даче.

Наутро после непродолжительных сборов небольшая семья, разместившись в небольшом автомобиле, отправилась за город. Не обошлось без происшествий.

При выходе из подъезда какой-то задумавшийся интеллигент в очках не пропустил Ирину с Ксюшей. Из глубины подъезда раздался громогласный окрик:

– Уважаемый, куда Вы лезете! Почему не пропускаете женщину с ребенком?

При виде огромной фигуры интеллигент в очках просто застыл на месте и тем самым перегородил путь Петрову, что было воспринято последним как акт неповиновения. Явно требовалось предпринять соответствующие действия нравоучительного толка. Для начала Олег несильно толкнул в грудь зарвавшегося нахала. Несильный, по меркам Олега, толчок возымел, однако, нешуточное воздействие на его сублингвального оппонента. От полученного удара тот попятился и упал бы, если бы не скамейка, стоявшая у подъезда, на которую он и приземлился. Неизвестно, чем бы закончилось это утро для интеллигента в очках, если бы не вмешательство жены Петрова.

– Олег, не надо! Что ты делаешь! – раздался крик Ирины.

– Ну, хорошо, хорошо. Все в порядке, – и, более не реагируя на интеллигента, Петров двинулся к машине.

Уже прошло минут пять, как они ехали, а Ирина все не унималась.

– Ну я же просила тебя, не надо!

– Да я ничего такого не делал!

– Ты ударил его, я видела!

– Никто его не ударял, он сам споткнулся!

– Ах, это плохо кончится! – и жена, всхлипнув, нервно закрыла лицо руками.

– Что, черт возьми, плохо закончится! – взревел Олег. Он не выносил женских слез.

– Ирина, пойми, у меня нервы тоже не железные! – покраснев, закричал Олег. Нога его, как бывает в таких ситуациях, вдавила педаль газа в пол. В этот миг машина из левого ряда подрезала автомобиль Петровых. Если бы Олега не отвлекла Ирина, если бы он не вдавил педаль газа так некстати, все было бы в порядке. Если бы не это стечение обстоятельств, они бы продолжили свой путь и через полтора положенных часа сидели в тени лип на своем садовом участке.

Взвизгнули тормоза. Раздался неприятный звук. Петрову не хватило доли секунды, его машина не сильно, но вполне ощутимо врезалась в их подрезавший автомобиль с сильно затемненными стеклами.

– Олег! Я прошу тебя, – отчаянно пролепетала Ирина. Она знала, что это был явно не тот случай, когда ее слова могли оказать воздействие на мужа.

Петров не слушал ее. Все было понятно. Какие-то недоумки его подрезали. А теперь наверняка захотят ждать ГАИ. Ведь формально это Петров в них врезался! Но где же тогда справедливость?

Петров это делал много раз. Рука его привычным движением скользнула под сиденье. Пальцы сжали хорошо им знакомую поверхность биты. Его рука продолжала сжимать биту,

когда он шел к машине обидчиков. Сжимал он битую и тогда, когда неожиданно для себя нелепо осел на жаркий асфальт.

Ирина выбежала из машины. Она всегда знала, что это плохо кончится. Но никогда не знала, как это произойдет. Сейчас, когда ее предчувствия сбылись, она, всегда столь эмоционально выражавшая свои протесты, беззвучно рыдала над гигантским телом мужа, сидя на раскаленном асфальте. Пуля вошла в ту часть лба Петрова, где у человека якобы имеется третий глаз.

– Поехали, – сосредоточенно сказал Михаил своему напарнику, скручивая глушитель с пистолета. Взвизгнула резина, и машина с сильно затемненными стеклами рванула с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.